
ВОЕВОДЫ ТРЕТЬЕГО РИМА: МЕЖДУ КНЯЗЬЯМИ И ГЕНЕРАЛАМИ

В XX веке историческая наука взяла за правило больше говорить не о личностях, а о «массах», «классах», «процессах большой длительности», «генеральных тенденциях развития социума» и «законах мирового исторического процесса». Личность принялись третировать как нечто ничтожное. Историю «монархов, полководцев и святых» объявили старым хламом, недостойным пера историка...

Все это привело историческую науку в тупик: ни один «закон мирового процесса» не открыт по сию пору, а значительная часть самих историков утратила понимание, зачем и для кого они пишут статьи, создают монографии, публикуют источники. «Массы-классы» притч в себе не содержат. Притчи, столь необходимые умному человеку для развития интеллекта и духа, удерживаются исключительно близ личностей.

Что ж, пора возвращаться к истории «монархов, полководцев и святых», ибо она всегда была, есть и будет интересной и поучительной. На страницах этой книги речь пойдет о полководцах. В истории жизни любого выдающегося полководца видны самые магистральные «тенденции развития социума», как океан виден в капле океанской воды.

Надо только присмотреться...

«Империя Рюриковичей» была великой державой раннего Средневековья. Появившись во второй половине IX века, она возвысилась в середине — второй половине X столетия и с конца X века по 1130-е годы переживала расцвет: политический, культурный, экономический. Высокое цветение ее длилось от Владимира Святого до Мстислава Великого. Затем эта величественная громада вошла в состояние многолетнего чудовищного кризиса, войны всех

против всех и под звон мечей развалилась на множество независимых земель и княжеств.

Над бескрайними просторами раздробленной Руси тускло горела звезда единства. Звезда эта с каждым десятилетием давала все меньше и меньше света, поскольку память о прежней государственной общности постепенно рассеивалась.

Русь объединяли общая вера, общая Церковь, общий (с региональными различиями) язык, общая материальная культура, общая династия правителей, общая этническая основа, общие воспоминания об общем прошлом. Иногда — общий враг: степные кочевники, немецкие или шведские завоеватели. А вот политического объединения уже не получалось. Киев из столицы превратился в драгоценную добычу для борющихся между собой княжеских кланов. Свои, региональные центры силы росли во Владимиро-Суздальской земле, на исходе XII века принявшей политические модели Византии, а также в Смоленском, Полоцком, Черниговском, Галицко-Волынском княжествах. Обособился от Низовской Руси Новгород Великий, и уж затем от него самого начал обособляться Псков.

Вся эта пестрота разбилась вдребезги под ударами монголо-татар. Часть ее оказалась в подчинении у Орды: платила ей дань, соглашалась с тем, что хан ордынский определял, в каком уделе кто из русских князей должен править. Русь, зависимая от ханов, раздробилась в XIV веке еще более, чем это было до Батыева нашествия... Другая часть страны оказалась в подчинении у литовских князей и с конца XIV столетия жила под натиском католицизма, хищно нацелившегося на Южную и Западную Русь.

Для нас, нынешних русских, XIV век — эпоха, сверкающая драгоценной памятью о преподобном Сергии Радонежском, святителе Алексии Московском, великом князе Дмитрие Донском и славном живописце Андрее Рублеве. А для русских людей, живших тогда, это столетие наполнено было нищетой, голодом, массовыми вспышками смертоносных болезней, унижением перед иноплемениками и иноверцами, карательными ратями Орды и постоянным нажимом Литвы на восток. Труды великих исторических личностей, перечисленных выше, выглядели в ту пору редкими оазисами света в непроглядной ночи бедствующей нации.

А вот XV век разделит историю Руси надвое, оставив темень невыносимо тяжелых времен в прошлом. Древняя,

почти исчезнувшая с небосклона звезда былого единства сменилась жарким солнцем нового объединения.

Во второй половине столетия появилась Россия — единое Русское государство, где народ, ранее строивший свою судьбу либо «под Ордой», либо «под Литвой», теперь жил как хозяин. Стране предстояло выдержать новые и новые удары прежних господ-ордынцев на рубежах, отобрать у Литвы земли, когда-то входившие в Древнерусское государство, то есть ту же «империю Рюриковичей», и принять имперское наследство от умирающего Византийского мира.

Уже в начале XVI века в Москве осознают себя «Третьим Римом» и «Вторым Иерусалимом», иначе говоря, единственной истинно православной империей. Под рукой московских государей изначально сосредоточивается примерно половина той политической и экономической мощи, какой обладали великие князья киевские в эпоху расцвета Древнерусской державы. Московское царство расширяется, держит оборону, вновь расширяется, опять защищает себя и вновь раздвигает границы... Оно как бы «дышит», и при каждом вздохе территория его медленно, но неуклонно растет.

Именно XVI столетие сделало Россию государством, которое является субъектом большой политики на мировом уровне.

Но для того, чтобы это произошло, московским правителям потребовалось обзавестись военной элитой чрезвычайно высокого класса. Русские воеводы Московского царства обладали выдающимися качествами: богатым опытом, полученным от прежних поколений военачальников, большой энергией, стойкостью, целеустремленностью, отвагой.

Они уже не были теми удельными и великими князьями, которые когда-то по своей воле и своему хотению воевали между собой, бесполезно проливая русскую кровь. Воевод Третьего Рима вела воля московских государей, они подчинялись строгой дисциплине и решали задачи, которые в совокупности своей работали на осуществление общего стратегического плана. Конечно, они еще далеко не столь жестко встроены в военную машину страны, как это будет с генералами Российской империи. У них больше самостоятельности в решении тактических задач. Но в этом есть свое преимущество: система ведения боевых действий, присущая России от Ивана Великого до Бориса Годунова, отличалась большой гибкостью и скоростью реакции.

Кроме того, Россия тех времен — «пороховая держава». Без пищальников, стрельцов, пушкарей с их «нарядом огненного боя» не обходятся главные походы и битвы эпохи. Поэтому русские воеводы быстро учатся применять те преимущества, которые они имеют над большинством соседей, — мощную артиллерию, а также крупные, спаянные дисциплиной, единообразно вооруженные отряды пеших стрелков.

Полководцы Московского царства далеко не столь известны, как их коллеги времен Российской империи. Но они проявляли себя на полях сражений ничуть не хуже Суворова, Румянцева, Кутузова, Паскевича и Скобелева. Военные достижения их огромны и достойны прославления в веках.

Поклонимся им с благодарностью.

Глава I

КНЯЗЬ ДАНИИЛ ДМИТРИЕВИЧ ХОЛМСКИЙ

*Пришла пора; громада русских стран
Стремится вышней силой воедино;
Века дробили Русь, бичи востока
И запада пришли на Русь; Татары
Полцарством овладели, а Литва
От нас отпала с ересью латинской;
Поморье беззащитное досталось
На долю Немцев... Но пришла пора!
С зарей Москва поднимется над Русью...
Царь Иоанн, державный исполин,
Возстал: в его священную десницу
Восточная империя сложила
Последние залогом православья,
И древняго величья Византии;
И мы залогом те с лихвой умножим;
И греческий орел с орлом московским
Державно вознесутся над Европой...*

Н. В. Кукольник.

Князь Даниил Дмитриевич Холмский

Князь Даниил Дмитриевич Холмский — первый на Руси действительно известный и ярко талантливый полководец нового типа. До середины XV столетия подавляющее большинство знаменитых русских военачальников составляют государи: удельные князья, великие князья... Иногда меж ними проскакивает некий значительный «муж меча и совета», имевший успех на бранном поле. Варяг Свенельд, оказавшийся удачливее князя Игоря, например, или, скажем, Федор Басёнок — военачальник Василия II. Но оба они, как и другие бояре и воеводы древнерусских князей, показали всего лишь искры воинского таланта, и разобрать, какого масштаба полководческий дар им достался, трудно — из-за состояния источников. В их судьбе не было долгого шествия от победы к победе, им не досталось у потомков громкой славы. Свенельд, конечно, знаменит, но скорее не как полководец, то есть не победами своими, а как государственный деятель... Иначе говоря, они представляют собой невеликое исключение в общем ряду.

А ряд этот состоит из личностей, по самой общественной роли своей сочетавших в военной деятельности работу

тактика с работой стратега. Князья должны были одновременно мыслить и как правители, и как полководцы, думать и о судьбе очередной битвы, похода, обороны крепости, и о судьбе войны в целом. Порой — о том, что будет происходить после войны и как изменится расстановка сил во всей Руси.

Князь Холмский не таков. Ему выпало служить и сражаться в новое время. Вся «нагрузку» стратегического планирования, включая дипломатическую подготовку войны, поиск союзников, обеспечение крепостей и полевых армий, определение объектов для защиты и нападения, направлений главного удара и последовательности решения боевых задач, взял на себя монарх, а именно Иван III Великий. Фактически он выполнял роль современного начальника Генштаба, военного министра и главнокомандующего в одном лице. Несколько раз Иван III выходил «в поле» сам — в особо важных случаях. Например, при покорении Новгорода и Твери. Но по большей части он доверял ведение боевых действий своим воеводам. Имея необыкновенную интуицию на таланты разного рода — в сфере административной, военной, культурной, — Иван Васильевич умело отыскивал дельных людей, в том числе полководцев. Он редко ошибался. Именно он возвысил с полдюжины даровитых военачальников, приносивших стране триумф за триумфом. Каждый из этих воевод получал шанс проявить в полной мере свой тактический талант, но от решения задач стратегического уровня освобождался. Стратегия со времен Ивана III и до эпохи Смуты оставалась принадлежностью монаршего звания. В то же время от государей русских ушла тактика. Они, конечно, время от времени брали на себя командование полевыми армиями. Но это происходило нечасто. Почти всегда тактикой заведовал воевода, а не великий князь и не царь.

Так вот, Холмский — первый великий русский полководец, который был тактиком в чистом виде. И на ниве тактической борьбы снискал себе высокую славу. Памятник ему вошел в состав мемориала «Тысячелетие России», имени князя летописцы придали блеск, связав его с великими успехами русского оружия второй половины XV века. Сама эпоха, переломная, созидательная, эпоха рождения России, дала Холмскому множество поводов показать себя в походах и сражениях; Даниил Дмитриевич испытывался многое множество раз, но не ведал горечи поражений. Вот истинная звезда на небосклоне войн Ивана III!

В старомосковскую эпоху сплошь и рядом жизнь человека определялась двумя обстоятельствами: положением его рода и его собственным положением внутри рода. Даниил Дмитриевич не исключение.

Неизвестно, когда он родился, скорее всего — в 1440-х годах. Принадлежность его к старшей ветви Тверского княжеского дома, а именно к семейству удельных князей Холмских, формально поднимала его до высшего яруса в иерархии князей Рюрикова рода. Его прадед, князь Всеволод Александрович, занимал великокняжеский стол в Твери в середине XIV столетия. А его прапрадед, князь Александр Михайлович, княжил не только в Твери, но также был, пусть и недолгое время, великим князем владимирским. Но это — «внешнее» положение рода. Внутри рода Даниил Дмитриевич оказался на положении младшего брата и князя-изгоя, когда старший, Михаил, занимает Холмское удельное княжение, а у самой Твери есть государь Михаил Борисович. Для Даниила Дмитриевича же в Тверском княжестве «вакантного» удела не осталось. Не позднее 1460-х годов он перешел на службу к Москве.

Нельзя видеть в нем «перебежчика» в стан неприятеля, поскольку Тверь и Москва на тот момент не имели между собой вражды. Иван III женился на сестре великого князя тверского, а его младший брат Борис, князь Волоцкий, позднее взял в жены племянницу Даниила Дмитриевича. Иными словами, князь ехал служить в дружественную землю.

В дружественную, да... но все же не в отеческую.

Холмский оказался в сложном положении. У себя на родной земле, среди персон Тверского княжеского дома, он оказался лишним человеком. Он там только мешал. А в Москве, под высокой рукой Ивана III, он все-таки считался чужим. Местное боярство и роды служилых князей, давно склонивших голову перед московским сюзереном, составляли плотную среду, не имевшую никакого интереса в том, чтобы допустить приближение к монарху человека со стороны, «приймака».

Поэтому величие при дворе московском Даниил Дмитриевич мог снискать лишь одним способом: оказать выдающиеся услуги Ивану III и принять от него в ответ милости и пожалования. Воинское дарование открывало для этого самый естественный путь.

Другое дело, что в подобной же ситуации оказались князья и других родов. Представители Ростовского, Яро-

славского, Суздальского княжеского домов, служилые Гедиминовичи и выходцы из менее именитых семейств столпились у подножия престола, ожидая для себя шанса на возвышение. А получив его, кто-то сумел воспользоваться доверием великого князя, а кто-то — нет.

Так, например, высокородный Рюрикович князь Даниил Александрович Пенко из Ярославского княжеского дома счастливо провалил целую кампанию против ливонских немцев...

Холмский же всегда был безотказен и безупречен, как хорошо наточенный клинок дамасской стали.

Боевое крещение князь принял в войнах, которые Москва в 1460-х годах вела против Казани.

Трудная война с Казанским ханством, продлившаяся с осени 1467 года по осень 1469-го, принесла несколько побед, правда, в основном частного характера¹. Из круп-

---

¹ Еще до этой войны, в самом начале правления Ивана III, происходили боевые действия между Московским великим княжеством, Казанским ханством и «черемисой». Они реконструированы В. А. Волковым по материалам периферийного летописания (в разрядах и великокняжеском летописании данные отсутствуют): «Уже первый поход воевод Ивана III в какой-то степени задевал интересы Казанского ханства, ибо нацелен был на подвластных волжским татарам черемисов. Вступив на престол 17 марта 1462 года, после смерти отца... великий князь отправил своих воевод, Бориса Федоровича Кожанова и Бориса Матвеевича Слепого Тютчева, на Черемисскую землю и Великую Пермь. С ними выступили устюжское, вологодское и галицкое ополчения. Описывая этот поход, автор Архангелогородского летописца рассказал, что “шли воеводы мимо Устюг[а] к Вятке, а по Вятке вниз, а по Каме вверх в Великую Пермь”. Результаты экспедиции остались неизвестными, но по реакции противника можно судить, что она удалась, так как “того же лета рать черемисская с тотары казаньскими (!) приходили на Устюжский уезд, на верх Югу реки, на волость на Лоху, повоивали, в полон повели много русских голов”. Но устюжане смогли настичь нападавших, побить их, “а полон назад отполонили”. В несколько более сжатом виде о походе Кожанова и Тютчева и ответном нападении черемисов на Верхуюжье сообщается во второй редакции Устюжского летописца и Летописце Льва Вологодина. Единственным отличием их от Архангелогородского летописца является указание на боярский чин Бориса Кожанова. Поход 1462 года, как и другие операции первого периода правления Ивана III, был осуществлен еще в условиях старой, “устоявшейся военной системы” силами земского ополчения северорусских городов “с вероятным участием служилых людей и во главе с воеводами великого князя”. Из сообщений летописцев совершенно ясно, что поход совершался по рекам, на кораблях. Пройдено оказалось в общем счете не менее 1000 верст» (Волков В. А. Под стягом

ных достижений русского оружия следует назвать: удачный рейд на Вятку и Каму весной 1468 года и разгром отряда татар на Каме легкой «сборной» ратью, которую возглавлял, по всей видимости, Иван Дмитриевич Руно¹, воевода боярского рода, отличившийся еще при Василии II; разгром князем Ф. С. Ряполовским летом 1468 года «татар казанских, двор царев, многих добрых» и взятие в плен некоего князя Хозюм Бердаа² (тогда же убили татарского «богатыря Колупая»³) — невеликая, но все же победа на фоне тяжелой войны, шедшей с переменным успехом; новый фантастически успешный набег на казанцев в мае 1469 года, сожжение посадов Казани (и опять командует легкой ратью Иван Руно). Сюда же относится частичный успех в большом сражении с казанскими татарами у Звенича (Звеничева Бора) летом 1469 года⁴ — здесь к отряду Ивана Руно присоединились крупные силы московские, и общее командование осуществлял, по всей видимости, один из знатнейших нетитулованных служилых великого князя московского — Константин Александрович Беззубцев. Объединенная рать под командой К. А. Беззубцева успешно отбила натиск татар, но успех на тактическом уровне не избавил ее от необходимости отступить, то есть не дал успеха на уровне стратегическом.

Москвы: Войны и рати Ивана III и Василия III. М., 2016. С. 12, 13). Закавыченные фрагменты взяты из книги Ю. Г. Алексеева «Походы русских войск при Иване III» (СПб., 2007). Сам же Ю. Г. Алексеев отметил следующее: «Почему... известие об этом походе не отразилось в общерусском (Московском великокняжеском) летописании? Можно предполагать, что в начале 60-х гг. еще не существовало ведомства, регистрирующего все походы великокняжеских воевод. Поэтому великокняжеский летописец не отметил... события 1462 г. ...Отсутствие официальных известий о военных событиях 1462 г. ...само по себе может рассматриваться как важный источник, характеризующий уровень организации руководства военной деятельностью великого княжества Московского» (Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 21).

¹ Как минимум он командует отрядом «казаков», посланных из Москвы, и на этом основании может считаться «старшим по чести» во всей рати.

² Воскресенская летопись. Продолжение // Полное собрание русских летописей. СПб., 1859. Т. 8. С. 154.

³ Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Пг., 1921. Т. 24. С. 187.

⁴ Н. С. Борисов с большой достоверностью реконструировал дату сражения — 23 июля 1469 года (Борисов Н. С. Иван III. М., 2000. С. 400).

Тяжелый, затяжной характер этого вооруженного столкновения диктовался тем, что на исходе 1460-х годов Иван III располагал лишь ограниченным военным потенциалом Москвы, Ярославля, а также ополчениями восточных приграничных областей. Ему еще не подчиняется ни Тверь, ни Новгород Великий, ни даже — в полной мере — Ростов, не говоря уже о городах и областях Литовской Руси. Фактически Москва на тот момент имеет под рукой для оперирования на востоке лишь немногим больший ресурс, чем было при Василии II. Казанцы наносили контрудары — по Галичу, по Рязанской земле, по костромским волостям — так что наступательные операции приходилось сочетать с оборонительными.

Роль князя Даниила Дмитриевича Холмского на полях сражений войны с Казанью — в высшей степени выигрышная. Иван III расставил по городам, над которыми нависала угроза татарских набегов, «заставы», то есть легкие отряды. Их командиры должны были «встречать гостей». Одна из «застав», очевидно, встала под команду Холмского. Весной 1468 года казанцы появились у Мурома, но взятой добычей не удовлетвоались и вскоре вернулись туда же и «много полону взяша». На сей раз они нарвались на контрудар Холмского. Воевода «...иде за ними из Мурома и достиже их и бив их, полон весь отима, а инии, с коней сметався, уидоша в лес»¹.

Несколькими месяцами ранее, зимой того же года, князь Семен Романович Ярославский совершил рейд «на черемису». Поход имел целью разорить вражескую область, истребить население и взять богатую добычу, что и было исполнено. Сопротивляться рати Семена Романовича местное население не могло, а потому сполна расплатилось за недавний набег казанского хана на русский Галич.

Сравнивая два похода — Д. Д. Холмского и С. Р. Ярославского, нетрудно заметить большую значимость успеха, выпавшего на долю Даниила Дмитриевича: ему удалось истребить значительный контингент живой силы противника и освободить «полон», в то время как Семен Романович смог только отомстить.

Ю. Г. Алексеев придавал этой войне значение стратегически важного предприятия. Исследователь подчеркивал, что «это была первая наступательная война против улуса

¹ Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Пг., 1921. Т. 24. С. 187.

Чингизидов. Впервые после Куликовской битвы Русская земля от обороны на востоке перешла к наступлению... Военные действия развертывались на широком фронте и на двух операционных направлениях, что в военной истории Руси наблюдается впервые. Широкий размах операций приводит к качественно новому методу руководства войсками. Впервые великий князь не идет в поход во главе своих войск, а находится в тылу, в ставке, из которой осуществляется оперативно-тактическое управление войсками. Впервые великий князь выступает в роли не тактического, а стратегического руководителя... Впервые можно наблюдать зародыш аппарата управления, без которого руководство войсками из ставки невозможно»¹. Все это справедливые, обоснованные суждения, к которым остается добавить следующее: Казанская война 1467—1469 годов явилась своего рода школой для московского воеводского корпуса и особенно его высшей части — элиты. На протяжении двух лет русские полководцы под стягами Москвы учились слаженности в действиях, дисциплине, а также глубокому, многоходовому планированию. Впоследствии ветераны Казанской войны без труда будут бить слабо организованное ополчение Новгородской вечевой республики.

Муромский бой стал своего рода «пробой сил» для князя Холмского.

Битвы, прославившие Даниила Дмитриевича как великого полководца, состоялись несколькими годами позднее — во время великой войны, когда Низовская Русь во главе с Москвой пошла в наступление на Новгород Великий.

В публицистической литературе столь часто звучал риторический вопрос: «Что славы полководцам, побеждавшим на полях сражений междоусобной войны, когда бились между собой русские с русскими, православные с православными?» Есть в этом вопросе изрядная доля лукавства. На заднем плане его возникает образ вольной вечевой республики, «русской Венеции», которой «московский деспотизм» поставил ногу на грудь, и она захрипела, выдавливая слова покорности.

Но чем жила эта республика, предоставлявшая максимум вольности «госпо́де», то есть несколькими десяткам

---

¹ *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 62, 63.

боярских родов, и минимум прав «людям молодым», то есть массам бедноты? Она богатела от земельной ренты, торговых прибылей, таможенных и транзитных пошлин, возможно, иных финансовых операций. А в это время Низовская Русь — Владимирская, Тверская, Московская — должна была выходить в поле и драться с ордынцами, чтобы очередной набег не пронзил русское тело точно холодный смертоносный клинок, чтобы не горели города, чтобы русский полон не уходил на работорговые рынки.

Новгород в это время вел мирное существование. Он без особенного рвения предоставлял серебро на ордынскую дань-выход. И он не торопился выделять средства на общерусское дело обороны от татар, когда времена дани стали уходить в прошлое. Мало того, стремясь сохранить всю полноту суверенитета и, соответственно, всю полноту прибылей, «госпóда» новгородская заигрывала с королем польским и великим князем литовским Казимиром, показывая Москве: у нас есть высокий покровитель, в случае необходимости он за нас заступится. В Новгороде могли и архиепископа принять от той части православной иерархии, которая находилась под контролем литовских властей.

Когда эти игры зашли слишком далеко, Москва ударила. И за ней в тот момент стояла вся Русь, истекавшая кровью от бесчисленных битв с татарами, грудью своей защищавшая Новгород с его эгоистичным боярским правительством.

Против Новгорода шли полки не только Москвы, Твери, всей Руси Владимирской, но и отряды псковичей, вятчан и устюжан.

Итак, летом 1471 года войска по приказу Ивана III с разных сторон вошли на Новгородскую землю. Князь Холмский получил в этой кампании роль более заметную, чем воевода «заставы», но довольно скромную, как мыслилось московскому командованию при самом начале боевых действий. Он возглавил передовой конный отряд, в состав которого вошли помимо собственно московских бойцов еще и силы второстепенные: «дети боярские» удельных князей Юрия и Бориса Васильевичей. Вряд ли под началом Даниила Дмитриевича собралось хотя бы десять тысяч человек. Скорее от четырех до семи тысяч. Основные силы с великим князем во главе двигались далеко за спиной легкой рати Холмского.

Казалось бы, какой вред мог нанести этот отряд Господину Великому Новгороду, выглядевшему до начала войны

как военная громада, настоящий тяжеловес большой политики? Огромная территория, богатое и решительное боярство в составе политической элиты, сильный союзник на западе, значительный мобилизационный ресурс...

Однако Новгород очень долго не воевал с серьезными противниками. Предыдущую войну с Москвой он проиграл и с тех пор не вел значительных боевых действий. Опыт масштабного вооруженного противостояния оказался утрачен, мышцы ослабели... Поэтому война с Низовской Русью, кроме единственного эпизода, о котором речь пойдет в одной из следующих глав, получила вид сражений между сибаритами и спартанцами.

Легкая передовая рать князя Холмского шла, разоряя новгородские волости, сжигая села и захватывая пленников. Она выполняла задачу устрашения. Дойдя до Русы, Даниил Дмитриевич разграбил местность вокруг города.

Вставший на берегу озера Ильмень, у деревни Коростынь, отряд князя подвергся нападению судовой рати новгородцев. Те высадили десант, подобрались поближе и набросились на невеликую рать Холмского. Однако эффект неожиданности не принес им победы. Со сторожевых постов Холмскому пришла весть: подошел неприятель. Князь ждал новгородцев и ответным ударом опрокинул их. Бой был тяжелый, и сами новгородцы считали, что нанесли в нем серьезный урон неприятелю. Позднее в новгородском летописании появилось краткое описание Коростынской битвы: «И взяша преже Русу и святыя церкви пожгоша, и всю Русу выжгоша, и поидоша на Шалону воюючи; а псковичи по князе [Иване III] пособляюще, и много зла новгородским волостем учиниша. И новгородци изыдоша противу... на Шалону, а к Русе послаша новгородци судовую рать, и пеши бишися много, и побиша москвич много; и пешей рати паде много, а инии разбегошася, а иных москвичи поимаша; а коневаа рать не пошла к пешей рати на срок в пособие, занеже владычен стяг не хотяху ударитися на княжю рать, глаголюще: “Владыка нам не велел на великого князя руки подынути, послал нас владыка на пскович”»¹. Иными словами, с точки зрения новгородцев, причиной конечной неудачи стали разногласия в военном командовании. Московская летопись все объясняет иначе:

---

¹ Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 404.

Холмский быстро поставил в строй своих людей, организовал отпор и перешел в контрнаступление.

Час военной доблести миновал, и Даниил Дмитриевич, связанный долгом службы великому князю, решил продолжить выполнение поставленной перед ним задачи: устрашать. Здесь он повел себя ужасающе, превысив всякую разумную меру карательных акций. Пленникам он повелел «самим меж себя... носы и губы и уши резати, и отпускаху их назад к Новгороду»¹.

Возвратившись к Русе, Холмский принял на щит вторую, более значительную судовую рать новгородских пешцов. Большая численность не спасла ее: московский отряд решительно атаковал и уничтожил второй контингент новгородского ополчения. Хаотичность в командовании вооруженными силами вечевой республики привела к тому, что организовать одновременный удар двух ратей с разных направлений новгородцы не сумели. Предоставить им поддержку конной рати — тоже. Даниил Дмитриевич разбил их по частям.

Двинувшись к городку Демон, князь получил приказ Ивана III идти на соединение с союзным войском псковичей. Повернув к ним, Холмский наткнулся на главные силы Новгородской республики — конную «кованую рать». Встреча произошла на реке Шелони. Верный своей тактике решительного нападения на неприятеля князь приказал атаковать новгородцев, несмотря на их численное преимущество.

В сущности, одна маленькая часть воинства Ивана III, понеся потери в двух битвах, противопоставила себя исполнине — лучшей, сильнейшей армии Господина Великого Новгорода. Необыкновенная отвага и... безумная дерзость! Что же исполнине? Потерпел страшное поражение, «мало щит подержавше»², как выразились современники. Основной оплот военной мощи новгородской, латная боярская конница, быстро разбежалась с поля боя...

Московская официальная летопись сохранила подробное известие о победе полководца на Шелони: «А новгородские посадники все и тысяцкие, купцы и житии людие, мастыри всякие, спроста реши, плотники и гончары и про-

---

¹ Московский летописный свод // Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 288.

² Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Пг., 1921. Т. 24. С. 190.

чие, которые родившись на лошади не бывали и на мысли которым того не бывало, что руки подняты противу великого князя, всех тех изменницы... силою выгнаша, а которым бо не хотети поити к бою тому, и они сами тех разграбляху и избиваху, а иных в реку в Волхов метаху, сами бо глаголаху, яко было их сорок тысяч на бою том. Воеводы же великого князя, аще и в мале беста, глаголют бо бывшеи тамо, яко с пять тысяч их только бе, но видевшее многое воинство и положивше упование на Господа Бога и Пречистую Матерь Его и на правду своего государя великого князя, поидошу... противу их, яко львы рыкающие, чрес реку они Великую, ея же новгородци глаголю никогда тамо броду имуще, а сии же не пытающе броду, вси целы и здравы преидоша ея. Видивше же се новгородци устрашишася зело, возмутишася и восколебашася, яко пьяни. А ся пришед на них начаша прежде стреляти их, и возмутишася кони их под ними и начаша с себя бити их, и тако вскоре побегоша гонимы гневом Божиим за свою их неправду... Полци же великого князя погнаша по них, колюще и куеще их, а они сами бежаше, друг друга бьюще и топчаше»¹.

Ей вторит Псковская летопись, сухо, без риторических красот, передающая суть дела: «И наехаша [новгородци] на Шолони обонопол реки силу московскую князя Данилья... и вергошася москвичи с берега в реку и, перебредши реку, ударишася на них, а новгородци видевше такову дерзость их обратишася на бег; и тако побегоша, и биша их москвичи»². Одна решительная атака — и дело сделано. Малыми силами, без больших потерь Холмский разнес «кованую рать» в щепы, точно маленький Давид, повергший великана Голиафа.

Собственно новгородский взгляд на события Шелонской битвы — иной. Новгородец, писавший летописную повесть про 1471 год, выразил мнение, согласно которому причины неудач вечевой республики в войне с Москвой надо искать в разногласиях среди «вятших» и «молодших» людей Новгорода и... в татарах, которые, оказывается, вырвали победу на Шелони.

Еще до начала сражения «...начаша новгородци вопити на больших людей (видимо, на бояр. — Д. В.), которыеи

---

¹ Московский летописный свод // Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 289.

² Псковская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 5. Вып. 2. С. 56.

приехали ратью на Шолону: “Ударимся ныне”, — каждо глаголюще: “Яз человек молодой, испротеряхся конем и доспехом”. Иными словами, «молодшие» не торопились класть головы за интересы политической элиты. Здесь — явное совпадение с московским летописанием, которое сообщает о «плотниках» и «гончарах», не имевших желания поднять руку на великого князя, но принужденных к тому «госпóдой».

Далее новгородец сообщает об атаке главных сил вечевой республики на москвичей, перешедших через Шелонь: «И начаша ся бити, и погнаша новгородци москвич за Шолону реку». Тут не совсем понятно: то ли в новгородской повести рассказываются сказки, как тяжелобронная боярская рать гнала отряд князя Холмского обратно за Шелонь, и сего быть никак не может, поскольку «кованая рать» Господина Великого Новгорода переправиться через Шелонь в принципе не могла, — в отличие от легковооруженных конников Холмского; то ли имеется в виду, что новгородцы попытались наскоком отбросить москвичей, вставших на берегу, и подобного рода контрудар выглядит логично. В любом случае новгородец признает поражение своих: «И ударишася на новгородцев засадная (или «западная», то есть из западни. — *Д. В.*) рать татарове, и паде новгородцев много, а инии побегоша, а иных поимаша, а иных в полон поведоша, и много зла учиниша; а все то створися до великого князя. И послаша новгородци посла в Литву, чтобы король всел на конь за Новгород. И посол ездил кривым путем в Немци, до князя немецкого, до *местера*, и возвратися в Новьгород, глаголюще, яко: “*Местер* не даст пути чрес свою землю в Литву ехать”»¹.

По московским источникам, отряды служилых татар шли с другими ратями, Холмскому их не дали. Но одно дело — план на кампанию, а другое — живые боевые действия. И в ходе наступления Холмского Иван III мог отправить ему вдогонку подмогу — небольшой контингент татарской конницы. А может быть, какая-то часть москвичей, снаряженных ориентально, то есть по-татарски, вызвала в горячке боя ассоциацию с грозными ордынцами и напугала новгородское командование. Не столь уж это и важно: были служилые татары на Шелони или их не было. В лю-

---

¹ Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 404.

бом случае много их там присутствовать не могло и роль решающей силы они не играли.

Другое важнее: московское летописание, как правило, спокойно констатирует неудачу своих воевод или бой кровавый, тяжелый, успех в котором дался с большим трудом. Так, например, в рамках той же самой войны на Северной Двине произошла страшная бойня, стоившая обеим сторонам многих потерь. Победила Москва с союзниками, но московский летописец честно признает: был «бой велик». Иначе говоря, победа далась нелегко... К Шелонской битве отношение иное. Четко говорится, что новгородцы побежали быстро, не оказав серьезного сопротивления. Отношение к побежденным — презрительное: горе-вояки!

Так что, вернее всего, хаотично организованное, не рвущееся в бой ополчение Господина Великого Новгорода с удивлением встретило высадку москвичей на свой берег Шелони, попыталось было контратаковать, расстроилось под ливнем стрел и побежало. Командная верхушка «кованой рати» не могла в тяжелых доспехах уйти от погони и попала Холмскому в плен вместе с двумя тысячами рядовых воинов. Боевые стяги стали трофеями москвичей. А постфактум выдумана была какая-то засадная рать, бог весть откуда взявшаяся на низком песчаном берегу Шелони.

14 июля 1471 года в Шелонском сражении новгородская военная машина оказалась сломана решительно и навсегда.

Современный биограф Ивана III Великого Н. С. Борисов высказался на сей счет лаконично и в то же время выразительно: «14 июля 1471 года князь Даниил Холмский своим мечом перевернул... страницу русской истории. Битва на Шелони не привела к немедленному присоединению Новгорода к Московскому государству. Это случилось лишь семь лет спустя. Однако именно она надломилась волю той части новгородцев, которая не хотела подчиниться диктату Ивана III. Во время похода Ивана III на Новгород в 1477—1478 гг., завершившегося падением боярской республики, новгородцы уже не пытались сразиться с москвичами в “чистом поле”. Нескольких уроков “московского боя”, преподанных им Холмским, оказалось вполне достаточно для того, чтобы убедить самых рьяных в бесполезности вооруженного сопротивления»¹.

---

¹ *Борисов Н. С. Русские полководцы XIII—XVI веков. М., 1993. С. 126.*

Ю. Г. Алексеев оценивает действия князя Холмского и его помощника в 1471 году иначе: «Если в стратегическом отношении воеводы князь Холмский и Федор Давыдович были далеко не безупречны, то на тактическом уровне действия воевод великого князя на Шелони заслуживают высокой оценки. Успешная переправа вброд через большую реку на виду у неприятеля делает честь их мужеству и глазомеру, а также боевым качествам их войска... В бою проявились тактика, выработанная москвичами в бесконечных схватках на южном рубеже, и качественное превосходство московского служилого ополчения, состоявшего фактически из воинов-профессионалов, над наспех собранной новгородской ратью. Победа на Шелони — победа нового над старым, великокняжеского служилого ополчения над удельно-городским»¹.

Думается, дело тут не только в качестве войска, хотя, конечно, архаичная «рыцарская» конница новгородского боярства оказалась слишком неповоротливой против стремительных конных лучников Москвы, перенявших от татар подвижную манеру боя. Надо учитывать и тактический талант князя Холмского. Наткнувшись на «кованую рать» Новгорода, то есть на главные силы вечевого республиканского ополчения, Даниил Дмитриевич не мог знать численность неприятеля, просто видел, что она значительная, возможно, больше его собственного полка. И он уклонился от прямого таранного столкновения, которое могло дать новгородцам шанс. Вместо этого князь прощупал силы неприятеля, велел обстреливать его из луков. Эта московская тактика, заимствованная от степняков, и раньше наносила решающий урон новгородцам. Таким образом, Холмский испробовал старое средство, наблюдая за тем, как ответят новгородцы. Изобрели с прошлых поражений какой-либо контрход, завели собственные отряды конных лучников? Способны ли эффективно атаковать под градом стрел? Он еще только начинал сражение и мог, в случае необходимости, уклониться от боя — если продолжение сулило трудности. Даже перейдя на другой берег реки, полк Холмского все равно оставался более маневренной и дисциплинированной силой, чем новгородская армия, и, думается, имел возможность ускользнуть у новгородцев из-под носа, прикажи князь Холмский. Воевода ведь не молодечество московское хотел

---

¹ Алексеев Ю. Г. Военная история допетровской России. СПб., 2018. С. 151.

выказать, а разгромить неприятеля, и если задача не решается, мог отложить ее до более удобного случая, например до подхода основных сил во главе с Иваном III. Или до соединения с псковичами. А новгородцы «посыпались» даже от этого легкого давления, от «прощупывания». Настоящего сражения фактически не было: Господин Великий Новгород рухнул от тычка, будто колосс на глиняных ногах. Но именно князь Холмский решил, куда и как нанести этот тычок.

А потом нанес его. Точно. Грамотно.

Что же касается «стратегии», то она ведь и не была делом князя Холмского. Стратегию войны разрабатывал сам Иван III, передвигавший по Новгородской земле своих воевод с их полками, словно пешки и фигуры по шахматной доске.

Время от времени в трудах историко-публицистических и даже (хотя, слава Богу, гораздо реже) в научных встречаются «плачи» по поводу жестокости москвичей, решительно и беспощадно разнесших военную машину Новгорода в щепы.

Тут нельзя не согласиться с одним: на Коростыни Холмский допустил жестокость гораздо большую, нежели это достойно в отношении единоплеменников и единоверцев. Не были новгородцы смертельными врагами москвичам, и, возможно, тут сыграла роль память князя из тверского рода об обидах, давным-давно нанесенных вечевою республикой его предкам... Но, даже поняв этот мотив, принять и оправдать жестокость невозможно. Для христианина подобные действия не достойны веры его.

А во всем остальном... нет причины лить слезы. Как сказала супруга одного пирата, увидев его на виселице с веревкой на шее: «Если бы ты сражался, как мужчина, не болтался бы сейчас, как собака». *Vae victis!*

Хочешь для себя свободы — умей защитить ее. Не сумел, так вини себя сам.

Кампания 1471 года еще не завершилась актом окончательного присоединения Новгорода Великого к Москве. Это произошло позднее: в результате еще одного военного похода на Новгород осенью 1477 года¹ и «похода миром» 1479 года² (впрочем, также сопровождавшегося артиллерийским обстрелом мятежного Новгорода).

---

¹ Завершилась эта новгородская кампания уже в 1478 году.

² Завершилось пребывание Ивана III в Новгороде уже в 1480 году.

В первом из этих двух походов князь Д. Д. Холмский — старший из великокняжеских воевод Передового полка, под его руководством состоит отряд костромичей. Формально полк возглавляет брат Ивана III, удельный князь Андрей Меньшой, но действительное командование не только над костромичами, но и над всем полком, конечно же, в руках у Даниила Дмитриевича. Подойдя к городу, великий князь велел Холмскому встать в «Варкаже», или «Аркажине» монастыре¹, отдельно от Андрея Меньшого². Точно так же и другие воеводы — как Передового, так и других полков — разошлись по крупным монастырям и поселкам со своими людьми.

Можно предположить, что их задачей было стремительным броском занять обители, предотвратив их сожжение и опустошение новгородцами, которые могли устроить армии великого князя «выжженную землю», тем более страшную в зимних условиях Русского Севера. Подобные предположения высказывались историками московско-новгородских войн. Официальная летопись московская говорит то же самое: 19 или 20 ноября 1477 года из походного лагеря «на Палинах» великий отправил «...воевод своих под Новгород — городища и монастыри... отнимати, чтобы не пожгли. А велел пойти к Броничю князю Данилу Холмскому...»³ и другим воеводам. Достигнув названного рубежа и заняв обители, военачальники московские должны были ждать дальнейших указаний от великого князя. Но скорее глубинный смысл этого действия, прямо не проговоренный ввиду его очевидности для тактиков новгородской кампании, был иным: следовало расположить части огромного полевого соединения по местам теплым, хлебным, дабы монастыри решали задачу их снабжения, а воинам не приходилось стоять в чистом поле на снегах и при морозе. Заслугой великокняжеских воевод, в том числе Даниила Дмитриевича, следует считать то, что они заняли монастыри со всей необходимой расторопностью, какой требовало дело.

На сей раз новгородцы не решились испытывать судьбу в генеральном сражении. Четыре больших разгрома 1471 года (три из которых, хотелось бы напомнить, устро-

¹ Иначе говоря, Аркадьевский Успенский монастырь, в XV столетии находившийся южнее Новгорода. В XVIII веке упразднен.

² Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 18.

³ Московский летописный свод // Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 313.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru